

СОВЕТСКАЯ МУЗЫКА

12
1973

Творчество молодых

В. Арзуманов

ДВА ПИСЬМА И ТРИ ПОРТРЕТА

В общении нашего журнала с ленинградскими композиторами сложилась хорошая традиция: представители старшего поколения ленинградцев охотно берутся за перо, чтобы рассказать всеобщему читателю о своих младших коллегах, напутствовать их добрым словом.

Начало этой традиции положил в 60-х годах ныне безвременно ушедший от нас В. М. Богданов-Березовский. Прошло несколько лет, и один из тех, о ком он писал, С. Слонимский, «подхватил эстафету» — поделился своими наблюдениями над творчеством следующей генерации ленинградской молодежи. И вот прошло время — традиция совсем «помолодела»: статью написал В. Арзуманов, сам еще не перешагнувший порог тридцатилетия, но уже завоевавший добрую репутацию — и как серьезный композитор, и как вдумчивый, увлеченный педагог.

Естественно, мы не собираемся сравнивать статьи, написанные на протяжении минувшего десятилетия музыкантами, каждый из которых обладает своим не толь-

ко композиторским, но и «писательским» почерком, своей стиливой ориентацией. Среди них «Два письма и три портрета» выделяются не просто необычной, индивидуальной формой, острополюмичным тоном, но и необычной задачей — показать, как сложно, противоречиво, иной раз очень односторонне развивается творческий дар, как, временно замкнутый в мир надуманных схем и систем, он как будто совершенно иссякает, и никто не может сколько-нибудь уверенно прогнозировать: что будет дальше? Выберется ли молодой автор из тупика, «лабиринта» или так и заглохнет, не успев развернуться, его, еще вчера бесспорный, казалось, талант? И ничто тогда не сможет ему помочь — ни природные способности, ни культура мышления, ни диплом об окончании высшего учебного заведения. Только он сам, если будет изучать жизнь, если найдет жизненную тему, если поймет, что смысл его искусства — служение людям, служение народу, только тогда он станет творцом музыки, достойной нашего общества.

Это заметки, посвященные молодым ленинградским композиторам, тем, которые либо заканчивают, либо совсем недавно окончили консерваторию, чья музыка, неоднократно звучащая в ее стенах на студенческих фестивалях, начинает возбуждать интерес у профессиональных и непрофессиональных слушателей.

К сожалению, я не в состоянии говорить здесь обо всех начинающих перспективных ленинградцах, хотя многие наши молодые, такие, как А. Томчин, В. Сапожников, А. Журбин, А. Асламазов, уже определенно заслуживают слова о себе. А посему остановлюсь на трех именах, мне лично наиболее знакомых; они, думается, вполне представляют свое поколение. Это Г. Корчмар, Ю. Симакин и Ф. Кругликов.

Многое объединяет их: все они музыканты, целиком посвятившие себя композиторской деятельности; все они честно и бескомпромиссно идут по этому пути; все они энергично, неутомимо и жадно постигают самую суть современного искусства; все они — к чести кафедры композиции Ленинградской консерватории — уже весьма крепкие профессионалы, которым под силу достаточно сложные музыкальные задачи; все они — убежденные симфонисты, последовательно осваивающие крупные традиционные жанры; и, наконец, все они — молодые люди нашего времени, люди, которым предстоит разрешить ряд серьезных творческих проблем и в недалеком будущем стать активным и передовым звеном в огромном отряде советских композиторов.

...Я уже совсем было настроился писать серьезную и строгоакадемическую статью, как одно небольшое событие изменило ход моих мыслей.

Я преподаю сочинение в музыкальной школе-десятилетке при Ленинградской консерватории. У меня учатся совсем юные авторы, в возрасте от десяти до семнадцати лет, пути которых еще далеко не определились. Однажды в школе состоялся концерт нашего класса, который как будто бы прошел с успехом. А через несколько дней я получил письмо от одного своего ученика, не принимавшего участия в концерте. Вот это письмо.

Письмо Юры Б.

...был я на концерте наших ребят, сидел рядом с Вами. «Нравится?» — «Да». А что я мог Вам сказать? Смурное выражение лица можно было при желании принять за внимание. А не зевал лишь потому, что на сцене были «знакомые все лица», да и удар я тогда по-

лучил ощутимый. Концерт подействовал на меня ужасно. Я вышел совсем огушенный.

На обсуждении говорили: «Эти произведения можно вполне исполнять в Малом зале филармонии, они вполне могут конкурировать с произведениями взрослых композиторов!»

А что делает в Малом зале Ваш покорный слуга? Он приходит туда на чей-нибудь авторский вечер, дремлет, где можно (где музыка потише); там, где музыка громче, стряхивает болезненное оцепенение и следит за каким-нибудь маразмом на сцене. После исполнения все хлопают, чтобы рассеяться и прийти в себя (это хорошо описал Дебюсси), и, «довольные», расходятся. А после концерта начинаются пересуды:

— Ах, да он бо-ольшой мастер!

— Ах, как здесь к месту малая нона!

— Ах, какая крепкая пьеса! Какая взаимосвязь между частями!! ... и что-нибудь еще в этом роде.

Но ведь м у з ы к и, от которой множество людей получало бы истинное наслаждение, нет. Ее не стало. Ведь если это квартет, — это очередной набор стаккато, спиккато, малых нон и больших септим, постукиваний и покряхтываний; если это фортепианная пьеса, то уже откровенное насилие над роялем. И не понять, гений ли этот композитор или ремесленник, набравшийся приемов. Музыка сейчас безлика в Малом зале.

«Вы, сидящий в первом ряду слева, тот,
Кто там, не жалеючи ладоней, аплодирует,
Эй, снимите свои очки-велосипед!

Неужто вам на самом деле нравится такое...?»

А Вашему сердцу, душе? Ах, «у меня нет слухового опыта»? А я Вам скажу, что тут я в нем не нуждаюсь; ведь эту музыку поневоле слушаешь с р е д н и м у х о м, чем угодно, но не мозгом, и тот композитор «лучше», который удачнее лупит слушателя по нервам, удачнее комплекзует эти приемы в «произведения». Можно ведь создать ЭВМ, и она будет писать отличные квартеты: кнопки секст, тритонов, септим, нон, тремоло, — и — столько-то децибел шума...

Вы говорите, что теперь аудитория расширится. Черта с три! Останется кучка меломанов, которые сами воображают, что им нравится «эта музыка», да раз в пять большая горстка непросвещенных любителей, которая, чтобы создать видимость того, что и ей это нравится, тоже аплодирует.

А король-то все равно голый! Помните сказочку Андерсена? Так вот, я постараюсь быть тем мальчишкой, который ляпнет при всем народе: «А король-то голый!» Я буду пересмешником, но для этого мне надо учиться, и очень много, и в совершенстве овладеть всем тем, чем владеет средней руки ремесленник.

Моцарт (Вы наверняка помните) писал отцу в Зальцбург: «Я пишу такую музыку, что знатоки получают истинное наслаждение, но и незнатоки останутся довольны».

Ну, вот и все. Простите за горячность, излишнюю, быть может. Пока буду писать фуги; это музыка, где нельзя отделаться внешними эффектами.

До свидания.

